

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ПЕРВОГО РЕКТОРА МОСКОВСКОГО КОММЕРЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ПРОФЕССОРА П. И. НОВГОРОДЦЕВА И ЕГО ВРЕМЯ

Хасбулатов Руслан Имранович

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: 9585015@mail.ru

В статье автором на основе анализа очерка П. И. Новгородцева «На путях к правовому государству» представлены его взгляды на политическую ситуацию того времени. Работа Новгородцева выразительно показывает, что теоретические идеи наилучшим образом воплощаются только тогда, когда в обществе существует всеобщее понимание важности назревших перемен и соответствующие власти адекватно отражают их необходимость, имея конституционные возможности их осуществлять. В этом смысле актуальны и для нашего времени заключительные положения очерка Новгородцева, в которых он утверждает, что XX век – это век реформ, направленных на улучшение жизни и повышение культуры народа.

Ключевые слова: первый коммерческий институт, реформы в России, Г. В. Плеханов.

POLITICAL VIEWS OF PROFESSOR P. I. NOVGORODTSEV, THE FIRST RECTOR OF THE MOSCOW COMMERCIAL INSTITUTE AND HIS TIME

Khasbulatov, Ruslan I.

Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, the Head of the Department for World Economy of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: 9585015@mail.ru

By analyzing the article by P. I. Novgorodtsev 'On the Road towards Legal State' the author shows his views on political situation of that time. The article by Novgorodtsev proves that theoretical ideas could be realized in the best way only when society understands the importance of changes and corresponding authorities could properly demonstrate their necessity and possess constitutional possibilities to implement them. The final points of the

Novgorodtsev's article are acute even today, as he wrote that the 20th century was the century of reforms aimed at improving life and culture of people.

Keywords: the first commercial institute, reforms in Russia, G. V. Plekhanov.

Профессор Московского императорского университета П. И. Новгородцев получил предложение возглавить первый коммерческий институт, создающийся по инициативе видных промышленников. Правда, первый экономический факультет в России был создан несколько раньше, в 1903 г., в структуре Петербургского политехнического института. В Москве, Петербурге и Киеве в то время были уже достаточно сильные экономические школы, базирующиеся в университетах и других вузах. К тому времени в России было немало талантливых ученых в области экономической теории, философии, юридических наук, математики, техники, естествознания и т. д. Поэтому Новгородцеву в самое короткое время удалось привлечь в новый институт удивительно одаренных профессоров, особенно из Московского университета, а также Московского технического училища (позже МВТУ им. Н. Э. Баумана).

По своим политическим взглядам Новгородцев разделял идеи партии конституционных демократов, хотя некоторые называли его «фабианским социалистом». Более того, он был одним из идеологов партии кадетов, как и профессор А. А. Мануйлов, известный юрист, в недавнем прошлом ректор Московского императорского университета, снятый с этого поста за отказ исключить группу студентов, участвовавших в антиправительственных демонстрациях, а также профессор А. С. Муромцев, первый председатель Государственной Думы.

В России вплоть до революции 1905–1907 гг., которая воочию показала неслыханные жестокости, привносимые революционными бунтами, почти все политические партии (исключая узкие нелегальные кружки заговорщического типа), в том числе монархические или проправитель-

ственные и социал-демократические (реформаторские), относились довольно лояльно друг к другу, не прочь были вступить в какие-то формальные или неформальные альянсы и сотрудничали по ряду важных вопросов. Возможно, это было связано и с тем обстоятельством, что некоторые известные деятели искусства и богатейшие люди (в том числе из состава группы основателей Коммерческого института) помогали материально разным партиям, даже левым (социал-демократам, большевикам).

С таких позиций взгляды П. И. Новгородцева, стойкого приверженца конституционной монархии, до некоторой степени совпадали с идеями легальных марксистов, особенно широко известного экономиста Михаила Туган-Барановского и отчасти Г. В. Плеханова. Плеханов, как известно, в отличие от Ленина, считал, что в России, этой крестьянской стране, вряд ли может в обозримом будущем осуществиться социалистическая революция, поскольку рабочий класс, хотя и формируется, но составляет явное меньшинство по сравнению с крестьянством (около 85% населения). Собственно, это была ключевая идея Маркса, который исходил из положения, что социалистическая революция может совершиться только в странах Западной Европы, в которых развитие капитализма ушло далеко вперед, где рабочий класс хорошо подготовлен теоретически и может вполне успешно справиться с задачами построения новой социальной модели государства.

Соответственно, Плеханов с учетом конкретных условий России считал, что основная политическая борьба должна быть направлена на достижение трех главных задач: во-первых, улучшение материального положения рабочего класса и крестьянства, условий их труда; во-вторых,

демократическое преобразование империи (входя для этого в альянсы с другими партиями); в-третьих, политическое просвещение общества. Именно третью задачу и усматривал в качестве одной из главных профессор Новгородцев.

В очерке П. И. Новгородцева «На путях к правовому государству» целью автора было намерение показать, какой путь проделала просвещенная Западная Европа, прежде чем достигла того уровня политического и правового сознания и тех институтов власти, которые в этих странах существовали на тот период. Новгородцев популярно разъяснял, что путь этот долог, сопряжен с большими трудностями, которые успешнее всего преодолеваются через реформирование. Реформы, по мнению Новгородцева, – это принципиально новый момент, характерный для XX в., в отличие от революций, свойственных предыдущим столетиям. Кто знает, возможно, Россия стала бы на такой путь развития через последовательные реформы, если бы не разразилась Первая мировая война.

Свой анализ Новгородцев начинает с общей характеристики эпохи Просвещения.

Просвещение (Enlightenment) – это философские и рационалистические взгляды, свободные от суеверий и разделяющие идеи веротерпимости. Эти идеи получили развитие в Европе в XVIII в., называемом веком Разума. Точкой отсчета в начальном процессе движения стран Западной Европы к правовому государству в соответствии с известной традицией Новгородцев, как и другие аналитики, связывает с концом самого могущественного самодержца – Людовика XIV, абсолютного властелина, благополучно пережившего своих влиятельных первых министров – герцога Ришелье и кардинала Мазарини. У них он и научился править государством, неизменно добиваясь поставленных целей. Его смерть как бы открыла «ящик Пандоры» – началась великая эпоха европейского Просвещения, бурного развития общественно-политической мысли.

Суть новых идей, как указывал Новгородцев, состояла в том, что они решительно отвергали абсолютизм королевской власти, всеилие католической церкви. Особенно популярными были произведения Вольтера, его саркастические замечания в отношении церковников, тонкий, блистательный юмор, который в изобилии присутствовал во всех его произведениях. Не случайно среди исследователей распространено мнение, что именно вольтерьянство положило конец христианству в Западной Европе.

Великие европейские просветители обосновывали необходимость установления такого политического порядка, который, во-первых, покоится на равенстве, справедливости и равных правах каждого; во-вторых, контролировался бы самим народом; в-третьих, должен был обеспечить народный контроль над властью. Одни из этих выдающихся деятелей выступали за введение английской системы правления с минимальной властью короля, другие – за республиканскую форму правления, третьи – за смешанную систему.

После краткого анализа политических течений эпохи Просвещения Новгородцев приступил к основательному разбору положений основного труда французского философа Монтескье «Дух законов», в котором изложена теория разделения властей. При этом, как отмечает ученый, просвещенное французское общество той эпохи не заметило главной мысли этой работы. Дело в том, что сам Монтескье никогда не выдавал разделение властей за тот чудодейственный принцип, за который его приняли. Он полагал, что основу всех законов составляли народные нравы в той совокупности условий (естественных, политических и бытовых), которые определяют их характер, или то, что он называл «духом законов». Эта историческая точка зрения Монтескье не была усвоена его современниками, но ее оценили позднее, в XIX в.

Монтескье изображает нормальное соотношение властей в государстве следующим образом:

– во-первых, это законодательное собрание, составленное из двух палат, из которых каждая сдерживает друг друга;

– во-вторых, самостоятельная исполнительная власть, которая уравнивает законодательную и сама контролируется ею;

– в-третьих, это суд, не зависимый от законодательства и правительства.

Таким представлялось Монтескье устройство власти в свободном государстве.

После первых увлечений теорией Монтескье наступило время критического отношения к ней. Так, более детальное изучение английского строя не вполне подтвердило его выводы, а отчасти обнаружило в них и крупные ошибки. Такого обособления властей, какое рисовал в своем «Духе законов» Монтескье, списывая их как будто бы с английского оригинала, на самом деле в Англии не было. Монтескье почему-то игнорировал тот факт, что английские министры избираются из среды парламентского большинства и что, только опираясь на поддержку этого большинства, они могут играть активную роль, не подвергаясь опасности постоянных препятствий со стороны парламента. Вместе с тем такой порядок вещей облегчает законодательному собранию бдительный надзор над исполнительной властью: являясь постоянно в его среде, министры всегда на виду у народных представителей и всегда могут подвергнуться запросу относительно своих действий. Именно эта зависимость министров от парламентского большинства обеспечивает в Англии правильное течение политической жизни соответственно общественному мнению страны и указаниям ее представителей. Этот порядок окончательно утверждается в Англии только в XIX в., но зарождение его относится еще к XVII столетию.

Далее Новгородцев анализирует причины и обстоятельства, которые оказали сильное влияние на эту теорию и полити-

ческую ситуацию. В частности, им отмечено, что в XVIII в. обломки старых представительных учреждений охранялись во Франции под именем провинциальных парламентов. Кстати, сам Монтескье был президентом одного из таких парламентов, он вырос на традициях старого представительного аристократического строя. Отсюда его идеал – монархия, умеряемая представительными собраниями и духом корпораций. Это такая монархия, которая правит на основании точных законов и где между народом и монархом находятся представительные институты.

Новгородцев популярно разъясняет, что Монтескье не случайно избирает в качестве основного примера своего анализа английскую (неписаную) конституцию; именно она, покоясь на принципе разделения властей, обеспечивает не только политические свободы граждан, но и в целом достаточно гармоничное функционирование его государственного организма. Но предварительно он считает нужным выяснить, что следует понимать под политической свободой. По мнению Монтескье, политическая свобода состоит не в том, чтобы делать все, что хочется, а в том, чтобы делать все то, что позволяют законы. Для того чтобы была возможна подобная «свобода», необходимо такое государственное устройство, при котором никто не был бы вынужден делать того, к чему не обязывают его законы, и никто не встречал бы препятствий делать то, что законы ему разрешают. Это достигается проведением в жизнь начала законности, в господстве которого состоит сущность свободного демократического режима. Теория разделения властей должна была разъяснить те условия, при которых могут быть осуществлены на практике начала свободы и законности.

Далее профессор Новгородцев кратко излагает концепцию правового государства, разработанную английскими и французскими теоретиками. Ученый подчеркивает, что идеал правового государства, утвержденный французской революцией,

стал в XIX в. предметом разнообразной критики: одни писатели старались его усовершенствовать, другие – отвергнуть, но все отходят от этого основного явления мысли и жизни нового времени.

Во Франции *основателем французского либерализма XIX в.* и первым выдающимся систематиком конституционного права считается Бенжамен Констан. Как отмечает Новгородцев, его взгляды имели большое значение для науки и практики и за пределами Франции, хотя он не был признан, подобно Монтескье, стать глашатаем новых принципов, которые должны были преобразить существующие общественные отношения. Но тем не менее именно Бенжамен Констан оказался как нельзя более способным подвести итоги предшествующему развитию и извлечь из него поучительные уроки для будущего заключения.

Новгородцев отмечает, что Б. Констан подобно Монтескье видел основную гарантию свободы в разделении властей. Но он насчитывал не три известные власти, а пять. Законодательная власть в его теории делится на две власти: власть, представляющую постоянство и воплощающуюся в наследственной палате, и власть, представляющую общественное мнение в избираемой палате. Затем, как и у Монтескье, следовали власти исполнительная и судебная, а над всеми ними Бенжамен ставил королевскую власть, приводящую их в согласие в случаях временных столкновений [2. – С. 213].

Нельзя сказать, что это пятичленное деление властей было более удачным по сравнению с тремя властями Монтескье. Главная особенность повторения уже известной теории заключалась не в том видоизменении, которое вносил в нее Бенжамен Констан, а в том особом положении, которое в связи с этой теорией он отводил в конституционном государстве монарху. Власть монархическая (*pouvoir royal*) представлялась ему как *нейтральная*, возвышающаяся над различиями интересов и мнений, царящая над человеческими волнениями, приводящая все остальные вла-

сти к согласию и примирению. (В определенной мере этот принцип заложен и в Конституции России 1993 г., в которой президентская власть практически занимает то же место над тремя властями. Однако она уже не просто нейтральна, как это обосновал Б. Констан, а принимает самые важные решения в стране как классический самодержец.)

С этим представлением о нейтральном положении королевской власти Бенжамен Констан связывал учение об ответственности министров перед парламентом. Это была одна из самых существенных его заслуг в истолковании английской конституции.

Вместе с тем, по мнению Новгородцева, Бенжамен Констан не развил свою концепцию до логического завершения. Но он понял потребность приведения властей к единству и недопущения опасных конфликтов между ними.

После Констан этот взгляд с новым обоснованием идеи парламентаризма на базе опыта североамериканской республики развил Алексис де Токвиль. Основная задача, которую предстоит разрешить будущему, по мнению Токвиля, заключается в том, чтобы *сочетать демократию со свободой и обеспечить беспрепятственное развитие личности при господстве демократических учреждений.*

Свои общие положения Токвиль подкрепляет блестящим анализом форм североамериканского государственного устройства. В американской жизни он находил известные благоприятные условия, охраняющие свободу, как, например, развитие местных общественных учреждений (институты самоуправления), способствующих демократизации, и независимое положение суда.

П. И. Новгородцев в рассматриваемом очерке лишь бегло коснулся основных течений политической мысли, оказавших влияние на создание американской конституции. Поэтому представляется логичным показать принципиальные отличия системы государственного устройства

США от британской и французской, в частности, важнейший элемент сдержек и противовесов, дополнивший систему разделения властей. Это положение всегда имело огромное значение в политической жизни США со времени основания этого государства как республики, поскольку острейшие противоречия между президентом и конгрессом являются одной из наиболее характерных черт со времени первого президента и до наших дней.

Основные элементы конституционализма были определены Болингброком еще в 1733 г. Как отмечал Болингброк, поведение правительства определяется не одними законами, но также институтами и обычаями. Законодательные принципы должны быть изложены в письменном документе. Даже неписаная английская конституция (собрание основных постановлений, мелких законодательных актов, судебных решений, обычаев и конвенций, а также текстов парламентских дебатов) закреплена публикацией ее фундаментальных принципов для всеобщего ознакомления.

В системе разделения властей имеются определенные противоречия. Так, говорят, что власти разделяют, чтобы сохранить свободы. Но разделение может и разрушать эти же свободы. Французские конституции 1791 и 1848 гг. представляли собой честолюбивые попытки создать жесткое и догматическое разделение властей. Первый документ породил правление Наполеона Бонапарта, а следующая попытка привела к появлению Второй империи (Луи Бонапарта).

Профессор Новгородцев прозорливо заметил те существенные трансформации, которые ускорились с конца XIX – начала XX в. во многих странах мира, и особенно в Западной Европе. События, которые в них происходили, находили отражение в сложнейшем российском обществе. В этой связи ученый пишет: «Определяя в немногих словах ту перемену, которая произошла в общем направлении политической мысли к началу XX века, мы должны ска-

зать, что старые идеи подверглись здесь существенной переработке. Идея народного суверенитета, принцип разделения властей, принцип личных прав – все эти начала старой политической доктрины в наше время получают иное определение и иное практическое значение. Тот преимущественный интерес, который ранее принадлежал конституционной монархии, считавшейся наилучшим воплощением идеала правового государства, постепенно переходит к представительной демократии, которая, как показывает пример Англии, может сочетаться и с монархическим началом. С другой стороны, опыт применения республиканских форм в Соединенных Штатах Северной Америки и во Франции показал, что эти формы не носят в себе непременно семян разложения... Таким образом, противоположение монархии и республики утратило свое прежнее теоретическое значение» [2. – С. 216].

Вместе с тем в XIX – начале XX в. центр тяжести был перенесен на вопросы внутренней организации управления и народного представительства. В этом отношении последовательно были выдвинуты вопросы о местном самоуправлении, о референдуме, об организации всеобщего избирательного права, об усилении исполнительной власти при соответствующем укреплении ее зависимости от народа путем непосредственного избрания народом и усиления парламентского контроля над этой властью.

Как указывал Новгородцев, более существенные перемены совершились не столько во взглядах на организацию государства, сколько в воззрениях на его функции, на задачи его деятельности. С одной стороны, можно сказать, что правовое государство с конца XIX в. вошло в новую стадию развития. Теоретики первой половины этого века полагали, что государственная деятельность должна ограничиваться охраной прав граждан; они выступали с требованием полного невмешательства в частную жизнь граждан, в экономическую сферу. Это считалось наилучшим средст-

вом обеспечить свободу и равенство. В Англии этот взгляд был выражен Бентамом, во Франции – Бенжаменом Констаном, в Германии – Вильгельмом Гумбольдтом. Свобода и равенство понимались тут чисто формально, юридически, в смысле обеспечения их в законе путем устранения юридических неравенств и стеснений.

С другой стороны, для своего времени, когда надо было уничтожить тягостный гнет старого порядка, осуществление свободы и равенства в этом смысле являлось огромным шагом вперед, и неудивительно, что первоначально вся задача правового государства представлялась исчерпывающей с достижением этой цели.

Вместе с тем политическое развитие XIX в. обнаружило, что для осуществления начал равенства и свободы требуется не только устранение юридических препятствий к их утверждению, но и некоторые материальные положительные условия их реализации. В жизненной борьбе свобода и равенство для слабых и изнемогающих превращаются в отвлеченное понятие, лишённое действительного значения. Требуется влиятельная поддержка государства и общества, чтобы помочь каждому, кто в этом нуждается, достигнуть действительной свободы и настоящего равенства с другими. Проникаясь этим сознанием, европейские государства одно за другим вступают с конца XIX в. на *путь социальных реформ*. Задача, которая ставится в этой области, представляется более трудной и сложной по сравнению с той задачей, которую правовое государство ставило себе ранее. Для того чтобы устранить юридические неравенства и стеснения, достаточно было отмены старых законов с соответствующим преобразованием различных учреждений. Осуществление равенства и свободы в положительном смысле требует продолжительной деятельности устроения жизни при помощи создания лучших материальных условий общественного развития.

Новгородцев отмечал, что современная политическая мысль, ставя государству эту

трудную задачу, не ждет ее немедленного осуществления, да и в целом устраняет мысль о скором «достижении всеобщей гармонии».

Здесь Новгородцев подводит теоретическую базу под необходимость длительных и последовательных реформ для России и явно выступает против «революционеров всех мастей», требующих немедленно осуществить радикальные перемены в огромной крестьянской империи. Он пишет: «В этом отношении новая точка зрения коренным образом отличается от той, которая так часто высказывалась в XIX веке. Рассматривая философию Гегеля, мы видели, как ему представлялось, что высшая ступень развития мирового духа уже достигнута. Мы видели, как целый ряд писателей прошлого века находил в той или иной политической форме истинное и всецелое выражение начал разума. В наши дни, выражаясь словами английского юриста Дайси, для добросовестного мыслителя невозможно думать, что в мире, в воображаемом или действительном, можно открыть какую-либо совершенную конституцию, способную служить образцом для исправления недостатков существующих государственных форм...» [2. – С. 217].

Этими словами Новгородцев заканчивает свою замечательную работу. Очевидно, что она предназначалась как своего рода теоретико-идейная база, просветительская, учебная работа для партии кадетов, а также всей образованной части общества, которая усматривала опасности как в отсутствии социально-экономических и политических реформ, так и в требованиях радикальных преобразований.

Очерк дает общую картину движения государств по пути демократической трансформации через формирование правового государства. Процесс этот был длительный, и лучшие представители европейской общественной мысли использовали весь накопленный в истории опыт, начиная с античных времен, чтобы построить такие системы власти и управления, которые отвечали бы интересам всех соци-

альных страт, и прежде всего граждан, свободных людей, в их извечной мечте построить справедливое общество.

Французская революция утвердила в цивилизованном мире идеалы свободы, равенства и братства. Какие бы события не происходили в более поздние времена, эти идеи прочно закрепились в сознании людей, и правящие классы вынуждены были их учитывать. Чтобы пересмотреть их, нужна была могущественная сила, превосходящая бывшие возможности абсолютных монархов, феодалов и католической церкви. Эта сила появилась в результате формирования гигантских банков и корпораций, монополизировавших экономическую власть в странах и оказывающих ог-

ромное влияние на правительства, на представительную и местную власть.

Прошел целый век после написания П. И. Новгородцевым этих положений, но эти же задачи остаются актуальными и в наши дни. XXI век – это век реформ, более глубоких и разумных и в большей мере направленных на реальное повышение уровня народного благосостояния. Если такие реформы не последуют, судьбу страны и правящих классов настигнет неминуемый рок, как это произошло в первый раз в 1917 г., а во второй раз – в 1991 г. Уроки истории можно предать забвению на какой-то период, но обмануть историю навсегда невозможно.

Список литературы

1. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. – М., 1952.
2. Новгородцев П. И. На пути к правовому государству // Новый мир. – 1991. – № 12.
3. Плеханов Г. В. Социализм и политическая борьба. – URL: <http://www.agitclub.ru/center/comm/zin/1883c.htm>
4. Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова. 1907–1912. – М., 2012.
5. Хасбулатов Р. И. Закат рыночного фундаментализма. Теория, политика, конфликты : в 2 кн. – М. : ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2014.
6. Экономическая история мира. Европа. – Т. 3 / Институт Европы РАН; под общ. ред. М. В. Конотопова. – М. : Дашков и К^о, 2005.

References

1. Lyashchenko P. I. Istoriya narodnogo khozyaystva SSSR [History of USSR Economy]. Moscow, 1952. (In Russ.).
2. Novgorodtsev P. I. Na puti k pravovomu gosudarstvu [On the Road Towards Legal State]. *Novyy mir* [New World], 1991, No. 12. (In Russ.).
3. Plekhanov G. V. Sotsializm i politicheskaya bor'ba [Socialism and Political Struggle]. (In Russ.). Available at: <http://www.agitclub.ru/center/comm/zin/1883c.htm>
4. Rossiyskiy ekonomicheskiy universitet imeni G. V. Plekhanova. 1907–1912 [The Plekhanov Russian University of Economics. 1907–1912]. Moscow, 2012. (In Russ.).
5. Khasbulatov R. I. Zakat rynochnogo fundamentalizma. Teoriya, politika, konflikty [The Decline of Market Fundamentalism. Theory, Politics, Conflicts], in 2 books. Moscow, The Plekhanov Russian University of Economics, 2014. (In Russ.).
6. Ekonomicheskaya istoriya mira. Evropa [Economic History of the World. Europe]. Vol. 3. Institute of Europe under the Russian Academy of Sciences, edited by M. V. Konotopov. Moscow Dashkov & Co., 2005. (In Russ.).